

III. ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ И КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ, ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА: ИНФОРМАЦИЯ, ЗНАНИЕ, МЕНТАЛЬНОСТЬ

А.А. Лазаревич

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь

Индустриальная эпоха, эпоха НТР и процессы активного конструирования «второй природы» – понятия по существу однопорядковые. В характеризуемый ими период индустриально-технологическая основа форм производства и жизни доминирует в определении идеалов науки, индивидуального и общественного сознания, характера и тенденций социально-культурного развития. А. де Сен-Симон, Э. Дюркгейм, М. Вебер, К. Кларк и другие теоретики индустриального общества выделяли, к примеру, такие его признаки. Во-первых, оно заботится о производстве; во-вторых, в нем превалирует порядок, уверенность и четкость; в-третьих, оно организовано «новыми людьми» – инженерами, промышленниками, проектировщиками; в-четвертых, оно опирается на знания. Во всем обществе распространяются единая этика и стиль жизни: они становятся деперсонифицированными нормами, упор делается на успех и личные достижения, критерии эффективности определяются по наименьшим затратам, а рациональный учет проникает во все области управления. Иначе говоря, индустриальное общество – это сугубо экономическое общество, организованное вокруг принципа функциональной эффективности, требующего получения больших результатов из меньших вложений и выбора наиболее рационального типа действий.

Подчеркивая роль науки и знаний в индустриальном обществе, в первую очередь следует обратить внимание на востребованность их технико-производственных приложений, то есть речь идет фактически лишь о прагматических прикладных возможностях науки, интенсивном применении технических и технологических знаний к производственной сфере. В этом смысле можно говорить и о технократизме как отличительной черте индустриальной эпохи, имея в виду уже сферу организации власти и управления, где управление вещами, экономико-технологический рационализм доминируют над рационализмом духовно-культурным и даже политическим. В таких условиях, естественно, теряют смысл рассуждения о многих гуманистических ценностях и интересах.

Издержки социально-культурного, духовно-нравственного, гуманистического, экологического характера представляют неполный набор признаков серьезного кризиса индустриальной эпохи и его современных продолжений и последствий. По мнению ряда специалистов, индустриальная эпоха изживает себя, поставив человечество перед выбором новой стратегии жизни. Требуется новая модель развития, согласующаяся с приоритетами человеческих ценностей, императивами безопасных социо- и антропоприродных отношений, гуманитарной экспертизой определенных видов деятельности, возникших в эпоху техногенного прогресса.

Уже после Второй мировой войны становление сервисной экономики и растущая роль информации и знаний привели к пониманию того, что отход от принципов индустриализма реален в ближайшие десятилетия, и это не будет сопряжено с отступанием от достигнутого, а, напротив, ознаменует переход к новому уровню организации общества и социального порядка. В начале 60-х годов XX века сформировались важнейшие методологические основы, которые позволяли оценить тенденции социальных изменений с позиций отхода от традиционного индустриализма. Во внимание принимались динамика развития сферы услуг, гуманизация научно-технического прогресса, возвышение роли образования, информации и знаний в общественном развитии, кардинальная трансформация технологий социальной коммуникации. Новая технологическая и информационно-эпистемологическая природа общества нашла свое отражение в понятиях постиндустриального и информационного общества.

Основополагающей компонентой в теоретических реконструкциях постиндустриального общества выступают представления об особом статусе информации и знаний, роли и месте науки в развитии социума вообще. Кстати сказать, индустриальная эпоха также обязана прежде всего науке и поэтому вместе с критикой в адрес индустриализма в разряд отверженных нередко попадает и наука, и научная рациональность в целом. Следует подчеркнуть, что к ряду негативных черт индустриального общества, справедливо относят факты неудачной «эксплуатации» научных знаний в сугубо производственных интересах, попытки использования императивов науки в политических и идеологических целях, конструирование всеохватывающих методологических приемов, в основу которых помещается безукоризненность, полнота и завершенность научных доказательств. Поэтому с отвержением принципов индустриализма следует отвергать не науку, а великую претензию на ее использование в качестве завершенных решений многих проблем, в том числе и социального характера. Одна из масштабных и по-прежнему актуальных философско-мировоззренческих задач в том и состоит, чтобы продолжать утверждать идею принципиальной невозможности окончательного объяснения. Потому что, как правильно отмечал К. Поппер, всякое объяснение может быть в дальнейшем объяснено за счет законов более высокой универсальности. Не может быть объяснения, не нуждающегося в дальнейшем объяснении, ибо невозможно самообъясняющее описание сущности [1; 102].

Кстати, К. Поппер как нельзя лучше показал и роль научных знаний в системе человеческого мироощущения и мироотношения. Согласно учению Поппера, взаимодействие между тремя его известными мирами осуществляется посредством человеческого разума. Состояния «второго мира», ментального мира верований, установок и предрасположенности, любви и ненависти, удовольствий и боли функционируют как некоторые системы контроля тела, а продукты «третьего мира», в особенности наши научные теории, — как некоторые системы контроля разума.

С переходом к постиндустриальному развитию изменяется отношение к науке, к ценности и самооценности знания вообще и теоретического в особенности. Если индустриальное общество основано на технологии машинной, то постиндустриальное — на технологии интеллектуальной. И если, как отмечал известный американский социолог, один из основателей концепции постиндустриального общества Даниел Белл, капитал и труд — главные структурные элементы индустриального социума, то информация и знания — основа общества постиндустриального. При этом автор четко отделял роль и значение знания от роли и значения информации. По его мнению, информация может выступать основным производственным ресурсом постиндустриального общества, тогда как знание остается внутренним источником его прогресса. [2]

Позитивно оценивая роль и значение знания в постиндустриальных инновациях, важно обратить внимание и на ряд противоречивых тенденций, которые в связи с этим

возникают. В предыдущие периоды развития человеческого общества доминирующую роль играл процесс накопления знаний. Не случайно, что именно в прошлом были в общих чертах созданы те системы объяснения реальности, которые с небольшими изменениями дошли до нашего времени и играют по-прежнему основную роль в процессе накопления объективной информации об окружающем мире. Принципиальное отличие постиндустриальной эпохи заключается в ином – сейчас неизмеримо больше коммуникаций, строящихся в основном на процедурах передачи информации. Тиражирование, но не создание интеллектуального продукта, передача сведений о нем посредством печатных изданий, телеграфа, радио, телевидения, лекций и семинаров в рамках системы образования, а теперь еще и сети Internet – вот что коренным образом отличает современное общество и демонстрирует сущность предпосылок феномена деэпистемологизации социальной активности.

За словом «знание» сегодня все чаще скрывается понятие «информация» как необязательно рефлекслируемое человеческим сознанием (пониманием) сообщение, передаваемое (улавливаемое) с помощью технологий коммуникации. Отсюда, к примеру, следующий парадокс: более информированный человек сегодня – это не тот, кто обладает большим объемом знаний, а тот, кто участвует в большем числе коммуникаций. Особенность этих коммуникаций такова, что их информационная основа не содержательна («знание») и не предметна («продукт»). Информация в структуре подобных коммуникаций выполняет лишь операциональную функцию.

В традиционном обществе информация никак не могла претендовать на ту роль, что играет теперь. Только как коммуникация, а не как знание информация способна вызывать новые операции. Люди действуют, используя информацию, а коммуникационные потоки не только не поглощаются как ресурс деятельности, подобно сырьевым или энергетическим ресурсам, а напротив – умножаются и ускоряются. Это происходит потому, что информация не столько интеллектуально-знаниевый ресурс, сколько стимул (мотив) деятельности.

Иначе говоря, в постиндустриальную эпоху информация все чаще ассоциируется с коммуникацией как слабо рефлекслируемым информационным обменом. В связи с этим, становится понятным, почему главным феноменом компьютерной революции стал Internet, а не обещанные футурологами базы знаний или искусственный интеллект. Сегодня хорошо известно, что в глобальной сети Internet фактически не создается никакого знания, но зато многократно увеличиваются возможности осуществления коммуникаций.

«В организованном подобным образом информационном потоке, – пишет по этому поводу Д.В. Кузнецов, – на первое место выходит не передача данных о свойствах товара или услуги, т.е. рациональная денотация объекта, а создание его образа, мобилизующего скорее аффективные коннотации. Именно образ приносит прибыль в современной экономике и стимулирует развитие рекламного бизнеса. Не за монополию на передачу сведений воюют владельцы СМИ, а за создание выгодного им или их заказчикам образа событий» [3; 96]. По меткому замечанию М. Мак-Люэна, сделанному еще в 60-х годах XX века, действительным содержанием сообщения является сам сообщаемый. [4]

Иначе говоря, одной из характерных сторон современного информационно-коммуникативного процесса является попытка дистанцирования от его эпистемологической адекватности. Получается, что не в знании, а в создании привлекательных образов заключается сила современного субъекта социальной активности. Оценивая данную ситуацию, А. Турен, видимо, не случайно пытается избежать терминов «информация» и «знание», когда пишет, что в постиндустриальную эру социальные конфликты возникают по поводу «символических благ» [5].

То, что коммуникация как создание образов играет в постиндустриальном обществе важнейшую роль, подтверждает и концепция нынешнего лидера теоретиков информационного общества М. Кастельса. Кастельс начинает свой труд с тезиса о переходе от капитализма к информационализму, в условиях которого успех зависит в первую очередь от способности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию, основанную на знаниях. Однако наряду с этим утверждением, анализ новых форм экономики и культуры вынуждает Кастельса все же опираться на понятия «коммуникационная система», «сетевое общество», «образы» и т.п. [6].

Феномен десубъективизации знаний обусловлен также достаточно заметной тенденцией символизации социального пространства, то есть быстрого роста различных знаковых референтов, заменяющих непосредственные, «живые» связи, отношения, ощущения, восприятия и т.п. Этому процессу трудно противостоять, как фактически невозможно противостоять стремлению к познанию, которое затем нуждается в объективировании своих результатов с помощью различных техник кодирования, имеющих определенные культурно-смысловые нормы и значения. По этой причине то пространство, в котором мы живем, является в значительной степени символизированным и сконструированным. «Человек, – пишет по этому поводу Э.Кассирер, – живет... не только в физическом, но и в символическом универсуме. Язык, миф, искусство, религия – части этого универсума, те разные нити, из которых сплетается символическая сеть, запутанная ткань человеческого опыта... Человек уже не противопоставляет реальности непосредственно, он не сталкивается с ней, так сказать, лицом к лицу... Вместо того, чтобы обратиться к самим вещам, человек постоянно обращен на самого себя. Он настолько погружен в лингвистические формы, художественные образы, мифические символы или религиозные ритуалы, что не может ничего видеть и знать без вмешательства этого искусственного посредника. Так обстоит дело не только в теоретической, но и в практической сферах. Даже здесь человек не может жить в мире строгих фактов и: сообразно со своими непосредственными желаниями и потребностями. Он живет, скорее, среди воображаемых эмоций, в надеждах и страхах, среди иллюзий и их утрат, среди фантазий и грёз...» [7; 470].

«Искусственный посредник», о чем говорит Э.Кассирер, действительно становится неотъемлемым элементом нашей жизни. Социально-нормативное творчество с его участием наиболее удачно реализовалось в научно-рационализированных формах сознания, где традиции научного поиска были неотделимы от выработки механизма кодирования информации, что обычно выражалось в соответствующем категориально-понятийном аппарате науки, методах и формах ее исследования и функционирования в обществе, находило и продолжает находить понимание (расшифровку) в социально значимых контекстах человеческой культуры. Хуже и, может быть, опаснее обстоит дело с кодированием и трансляцией в обществе «воображаемых эмоций», «иллюзий», «надежд», «страхов» и т.п. Этот процесс чаще всего имеет глубоко личностный смысл и не всегда может быть эксплицирован в системе общепринятых социально-нормативных представлений. В этом смысле указанный процесс может не поддаваться социальному регулированию, а поиск методик декодирования индивидуальных значений становится, в таком случае, актуальной задачей.

Совершенно прав А.Тоффлер, утверждая следующее: «Мы можем не опасаясь предположить, что потому как общества имеют более сложные и многочисленные коды для передачи образов от человека к человеку, соотношение незакодированных сообщений, получаемых обычными людьми, уменьшается в пользу закодированных. Другими словами, мы можем предположить, что сегодня большая часть наших образов извлекается из искусственных сообщений, а не из личных наблюдений «сырых», «незакодированных» событий». [8; 125]

Это одна из серьезных проблем постиндустриального общества, характеризующегося интенсивными темпами роста информации, в создании и образно-знаковом объективировании (кодировании) которой принимает участие несоизмеримо меньшее количество людей в сравнении с теми, на кого она ориентирована и кто не создает, а усваивает готовые смыслы. Данная тема имеет самый широкий контекст анализа: от моральной и профессиональной ответственности "производителей" информации до проблемы свободы, связанной с изменением возможностей выбора, во-первых, между использованием «закодированной» и «незакодированной» информации, во-вторых, между участием в создании ментальных образов и использованием уже готовых, в-третьих, между многочисленными смыслами, формируемыми теми или иными информационными источниками.

Кстати, если через эту призму посмотреть на ментальную структуру сознания человека, то следует подчеркнуть, что ментальный образ феноменов действительности не может быть сформирован на основе пассивного присоединения предлагаемого или, что еще хуже, навязываемого смысла. В свое время по этому поводу хорошо сказал М.К. Мамардашвили. «Знание, — отмечал он, — не пересаживаемо из головы в голову в силу одного простого онтологического обстоятельства: никто вместо другого не может ничего понимать, понять должен сам... И этот акт понимания... должен совершиться или не совершиться, т.е. знание не перекачиваемо в другую голову, как в некую пустоту перекачивалась бы жидкость» [9; 12].

Трудно, конечно, предположить, что голова человека — это некая пустота. Тем не менее, такая ассоциация вполне допустима в случае отсутствия у индивидуума ментальной активности, т.е. постоянного формирования индивидуальных образоструктур сознания и активизации на этой основе его (сознания) рефлексивных функций.

Отсутствие ментальной активности навязывает человеку зависимость и в этом смысле — утрату свободы. Все другие определения свободы, как правило, обусловлены наличием внешних условий и обстоятельств. В частности, применительно к теме постиндустриального развития нередко встречается мнение, например в работах А.Тойнби, относительно того, что человек постепенно теряет свою свободу, имея в виду утрату выбора в условиях сравнительной стандартизации и универсализации жизни. Действительно, наука и развиваемая на ее основе технология объективно содержат в себе общезначимость и единообразие истинных посылок, разделяемых обществом вне зависимости от возможностей дифференциации и индивидуализации его социальной структуры. Развиваемые на этой основе признаки стандартизации особенно характерны для индустриальной эпохи с ее массовым производством и идентификацией феноменов культуры. Современные тенденции глобализации и универсализации социума, массовая культура, нивелировка национально-этнических особенностей и т.п. также наводят на мысль о постепенной утрате выбора.

Вместе с тем, сегодня все более заметны и другие признаки общественного развития. Они связаны с фрагментированием, сегментизацией материальной и духовной сферы общества в зависимости от индивидуальных ценностей и потребностей человека. То есть, «на рынок выбрасывается» бесчисленное множество нестандартизированных товаров и услуг, которые не были известны ранее и которые имеют тенденцию к усиливающемуся разнообразию. В противоположность А.Тойнби, в данном случае прав, скорее, А.Тоффлер, утверждая, что «человек будущего может пострадать не только от отсутствия выбора, но и от парализующего избытка его» [8; 209], то есть — от сверхвыбора. Но и того, и другого автора объединяет все же одно: человек не становится более свободным ни в случае утраты выбора, ни в случае избытка его.

Проблема свободы уходит своими корнями в сферу ментальной активности человека как возможности продуцировать индивидуальные смыслы на основе базовых образоструктур сознания и его рефлексивной функции. Смысл рождает выбор...

ЛИТЕРАТУРА

1. Поппер, К. Реализм и цель науки / К. Поппер // Современная философия науки. - М., 1996.
2. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество / Д. Белл. - М., 1999.
3. Кузнецов, Д.В. Роль современных коммуникаций в формировании массового сознания / Д.В. Кузнецов // Философия и общество. - №3. - 2004.
4. McLuhan, M. The medium is message / M. McLuhan. - N.Y., 1967.
5. Touraine, A. The waning sociological image of social life / A. Touraine // International journal of comparative sociology. - 1984. - N 1-2. - Vol.25.
6. Castells, M. The information age: economy, society and culture / M. Castells. - Oxford, 1996-1998. Vol. 1-3.
7. Кассирер, Э. Избранное. Опыт о человеке / Э. Кассирер. - М., 1998.
8. Тоффлер, А. Футуришок / А.Тоффлер. - СПб., 1997.
9. Мамардашвили, М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности / М.К. Мамардашвили. - Тбилиси, 1984.

INTERNATIONALISATION OF SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES – CHALLENGES FOR RESEARCH AND RESEARCH POLICIES IN THE ERA OF GLOBALIZATION

Dr. Michael Kuhn

Bremen, University of Bremen, Germany

In the context of globalisation and systemic transformation of the world community international collaboration in the social sciences and humanities (SSH) is currently meeting with increased public attention; expectations and funding. It seems that in a world where social phenomena increasingly possess a transnational dimension, an international and interdisciplinary research orientation becomes mandatory for analysing and explaining them. Recent technological, political, economic and social developments have created new necessities, yet also new possibilities for international exchange. However, preconditions for and effects on international research collaboration in the SSH have not yet been sufficiently discussed. The planned publication aims to fill this gap by addressing some of the fundamental challenges for research and research policies that result from the internationalisation of the social sciences and humanities in different parts of the world. In so doing, it will give special attention to countries and regions outside the traditional 'centres' of academic knowledge production and introduce the specificities of selected research communities in 'Non-Western' countries to an international audience.

International collaboration in the social sciences and humanities is of course no new phenomenon. SSH have engaged in international activities since they emerged from philosophy and differentiated into disciplines in the context of the creation of modern nation states. The extent to which international activities played a role in the past certainly varies across disciplines. While some disciplines, like anthropology, have always been international due to the nature of their topics, some other disciplines have only recently expanded their international activities.

Under the current conditions of globalisation and systemic transformation international collaboration in the social sciences and humanities faces two major challenges: firstly, internationality is no longer limited to comparing similar phenomena across different nation-based societies; instead, because of the globalisation of social reality, internationality be-